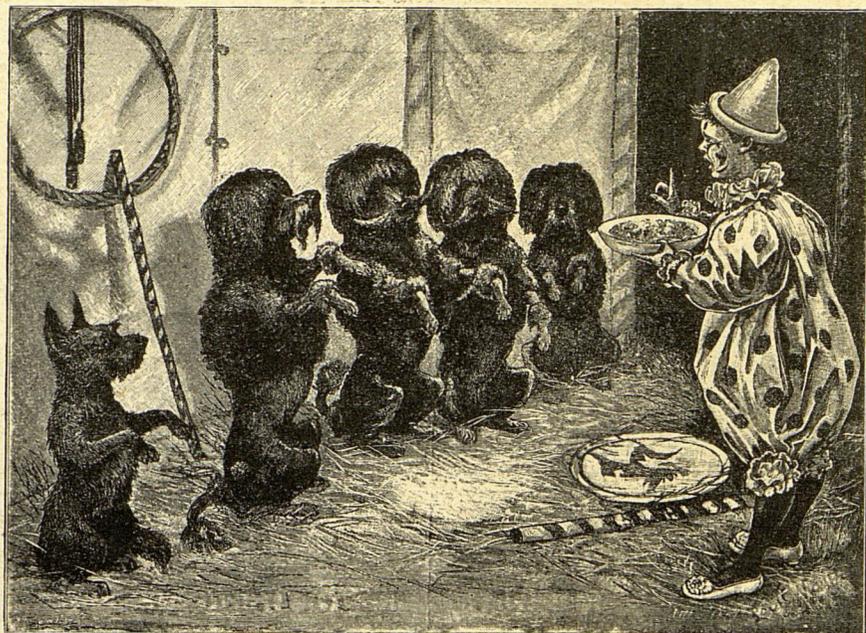

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 6.

Пожалуйте завтракать!..

Защитила!..

(Съ рис. въ краскахъ на отдѣльномъ листѣ).

I.

Первое знакомство Жако съ Михайло Топтыгинымъ началось съ непріятности. Мартышка Жако увѣряла на своемъ языкѣ всѣхъ, что она не виновата, — а виновата эта косматая штука—медвѣдь; а медвѣдь урчалъ, что Жако задала ему ни за что, ни про что трепку.

Пришелъ хозяинъ ихъ, клоунъ Джонъ, разобратить дѣло.

— Да какъ же это, Миша, Жако тебя обидѣлъ?—спрашивалъ онъ.

Миша виновато покачивался на своихъ ногахъ, но въ глаза прямо не смотрѣлъ. А Жако вскочила на плечи клоуну и корчила отчаянныя гримасы,—на славу.

Позвольте, я знаю,—дѣло было такъ.

Жако—очень умная, ученая обезьяна. Клоунъ Джонъ ее любитъ,—а Жако любитъ клоуна и всячески угождаетъ ему. Жако у него—за лакея. Утромъ подаетъ платье, сапоги, умы-

ваться. За обѣдомъ—прислуживаетъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ. То-есть иной разъ не утерпитъ и слизнетъ что-нибудь повкуснѣе съ тарелки.

На этотъ разъ Жако стащила вкусное жаркое изъ кухни, прямо на сковородкѣ и шмыгъ въ стойло, гдѣ сидѣлъ Мишенька.

„Вотъ гдѣ можно закусить всласть, на свободѣ!..“—подумала она.

Сѣла въ уголокъ, спиной къ Мишенькѣ, и только было за ѣду принялась, — зарычалъ Мишка, сгребъ лапой всю сковородку, чуть не вмѣстѣ съ Жако,—да въ пасть.

Досада мартышку взяла. Ухватила она сковородку, замахнулась на Мишку,—одной лапой у него изъ пасти вытащить жаркое старается, а другою—бьетъ его сковородкой по головѣ.

— Не тронь, негодный!.. Я тебя!..

Но Топтыгинъ назадъ говядины не отдалъ,—вчистую сѣлъ и потомъ обидѣлся.

— Ты чего же по-настоящему дерешься?—бранился онъ.

— Обжора!—грозила ему мартышка,—что я теперь хозяину снесу? Какъ я отъ него отдѣлаюсь? Хорошъ пріятель.

Миша чувствовалъ свою вину и потому притворялся, что онъ сдѣлалъ это нечаянно.

— Да она жесткая, говядина-то!—оправдывался онъ.

— Жесткая ли, нѣтъ ли, нечего было лѣзть!—не унималась мартышка и все грозила сковородкой.

Насилу ихъ хозяинъ помирилъ.

II.

Странное дѣло,—съ этой поры они подружились. Пошли такія нѣжности, что диву дашься.

— Пріатели, тоже,—усмѣхался хозяинъ,—и что общаго у нихъ! Этакая громада—и клопъ! А жить другъ безъ друга не могутъ!..

Теперь Жако ежедневно кормила Мишку. Сама одинъ безъ пріателя куска не съѣсть. Все, что ей ни попадетъ, къ Мишкѣ тащить.

Иногда Топтыгинъ съ голодухи бывалъ несправедливъ, и начиналъ обижать товарища. Обезьянка-то хлопочетъ, бѣгаетъ на кухню, таскаетъ всякія сласти,—а Мишка зарычитъ, напугаетъ Жако,—а пока она оправляется отъ страха,—все и съѣсть.

— Ты это что же, братъ?—ругалась на него издали Жако.—Для тебя, косолапаго, я хлопотала?

— А ты не дразни меня,—ворчалъ вино-

вато Миша, глядя куда-то въ сторону,—мнѣ кажется,—ты у меня все отнимаешь.

— Безсовѣстный! съ голоду мнѣ умереть теперь, что ли?..

Но это бывало только въ началѣ ихъ знакомства. Потомъ Жако освоилась настолько, что Мишка ничѣмъ напугать ее не могъ. Тогда ужъ она стала хозяйничать у него.

— Ты только порычи,—а я тебя сковородкой!—грозилаь она.

— Да дай хоть кусочекъ!—плакался Мишка,—все забрала себѣ, ну что право.

— Ну, на, ужъ такъ и быть. А ты не рычи впередъ. Думаешь, удивительно страшно.

Теперь они спали вмѣстѣ, и Жако часто чесала Мишкѣ за ухомъ, а тотъ это ужасно любилъ. Послѣ обѣда развалится на соломѣ.

— А ну, кума,—урчить,—почеши-ка мнѣ правое ухо.

— Любишь, косолапый?.. Ишь ты нѣженка!.. Сдружились они тѣсно, и любили другъ друга, повидимому,—а дѣло кончилось не ладно...

III.

Было это во время представленія въ циркѣ. Миша съ утра не въ духѣ былъ, и на всѣхъ

рычалъ.—Косится глазами и рычитъ. Жако явилась,—онъ и на нее зубы оскалилъ.

— Ты чего это?—удивился Жако.

Мишка ничего не отвѣчалъ и отвернулся.

На представленіи Мишка все не слушался клоуна, а тотъ сердился, кричалъ на него и раза два больно ударилъ его хлыстомъ по мордѣ.

Мишка прижавъ уши, зубы оскалилъ и предостерегающе зарычалъ.

Но когда принесли горящіе смоляные обручи, черезъ которые Мишка долженъ былъ прыгать,—медвѣдь совсѣмъ взбѣсился.

Клоунъ не совладалъ съ собой, подбѣжалъ къ звѣрю, взялъ за ухо и больно закрутилъ его пальцами.

Онъ и опомниться не успѣлъ, какъ Мишка сгребъ его лапой и подмялъ подъ себя.

Всѣ въ циркѣ ахнули и замерли отъ испуга... Страшный медвѣдь такой сталъ, шерсть у него на загривкѣ дыбомъ поднялась, глаза кровью налились, пѣна у рта показалась... Рычитъ онъ на весь циркѣ, себя не помнитъ...

...А за ухо его кто-то тянетъ, больно тянетъ, кто-то зубами вшился въ ухо и сжимаетъ его зубами больно-больно...

— Опомнись, косолапый... Ишь, навалился...

Свѣту Мишка не взвидѣлъ и про клоуна забылъ, встряхнулъ головой, сбросилъ обезьяну на землю и накинудся на нее...

Клоунъ быстро поднялся и выскочилъ изъ клѣтки...

А Мишка ужъ пришелъ въ себя; онъ стоялъ надъ несчастной Жако и жалобно-жалобно урчалъ. Жако не стало...

IV.

Мишка лежалъ у себя въ стойлѣ, а между лапъ у него была Жако. Онъ никому не давалъ убрать обезьянку. Онъ ничего не ѣлъ и не пилъ и цѣлые дни лежалъ надъ ней и то смотрѣлъ на нее, то лизалъ ея маленькую, сморщенную головку.

Онъ не слушался клоуна, не отдавалъ ему обезьянку и къ себѣ не подпускалъ.

Такъ прошло дня два.

Наконецъ, Мишка опомнился отъ горя; онъ выбралъ время, когда никого вблизи не было... У себя въ углу въ земляномъ полу вырылъ глубокую ямку, столкнулъ туда окоченѣвшую обезьянку и закопалъ ее землей и сѣномъ...

И не стало у Мишки веселаго товарища Жако.

Моя баловница.

Убѣгу!

ПІЕСА ВЪ ДВУХЪ СЦЕНАХЪ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кухня.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанида (*у стола чиститъ картошку*). Уѣхали господа въ циркъ, а барчонка оставили. Ишь ты,—распалился давеча: швыряетъ все... набаловали его, вотъ съ нимъ сладу и нѣтъ. А мальчонка шустрый такой... Къ рукамъ бы его прибрать,—дѣльный парень вышелъ бы!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Степанида, Боря (*входитъ*).

Боря. Степанида, а я къ тебѣ!

Степанида. Ой, что тебѣ?..

Боря. Ты мнѣ пораньше дай ужинать...

Степанида. Ну что жъ. Ладно!..

Боря. Я у тебя посижу! А? Мнѣ жутко тамъ...

Степанида. Ну, что жъ, посиди...

*) Окончаніе. См. „Свѣтлячокъ“ № 5-й.

Боря. Никто не любить меня, Степанида. Всѣмъ надоѣлъ я, вотъ что. Тяжело мнѣ жить!..

Степанида (*качая головой*). И что говорить только—и, Господи! Статочное ли это дѣло? Папашенька съ мамашенькой души не чають въ васъ, а вы этакое говорите!.. Сами-то на себя оглянитесь. Давеча—такую булгу-то подняли?.. Шумъ, грохоть,—и Господи!..

Боря. Нѣтъ тяжеле моей жизни. Тошно!

Степанида. И опять это—грѣхъ. Откуда тяжело-то вамъ быть, коли ежели всѣ о васъ стараются? И одѣнуть, и накормить, и напоить, ни о чемъ вамъ думать не надо. Не то что намъ, простому человѣку. Съ малолѣтства работаешь изъ-за хлѣба. Знаешь, что коли не сработаешь,—и ѣсть тебѣ не дадутъ.

Боря (*упрямо*). А мнѣ все-таки тяжело жить.

Степанида. У насъ вонъ ребятишки по седьмому году въ деревнѣ и землю пахутъ, и боронять. А дѣвочки лѣтъ шести меньшихъ братьевъ да сестеръ нянчатъ, да по хозяйству старшимъ и въ полѣ помогаютъ. Тамъ вотъ точно тяжело жить, и то ничего, слава Тебѣ, Господи! Только бы все благополучно шло, урожай бы хоть малые были. Да!.. Ну, я въ булочную схожу. А вы останьтесь, да дверь-то на щеколду за мной закройте. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Боря (*одинъ*).

Всякій—съ нравоученіемъ, и эта тоже! Удивительное дѣло! Любятъ меня, берегутъ, а въ циркъ вонъ небось не взяли. За двѣ единицы со свѣту сжить хотятъ. А у насъ вонъ Смирновъ—въ приготовительномъ классѣ каждый день по два кола домой носить,—и хоть бы что!.. Нѣтъ, я убѣгу! Пускай потомъ каются, плачутъ, ищутъ меня. Тутъ и Костя, и Наташа—все стануть вспоминать меня, жалѣть,—а я буду далеко, далеко отъ нихъ, брошенный всѣми, въ нуждѣ, въ нищетѣ... Охъ, какъ горько!.. (*Плачетъ*). И все-таки бѣгу. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... (*Бѣжитъ въ дверь направо и возвращается съ пальто, фуражкой и калошами. Одѣвается.*) Отлично. Возьму только кусокъ хлѣба... 1 рубль есть, отъ завтраковъ накопленъ. Вотъ этотъ томикъ Майнъ-Рида тоже захвачу съ собою, — и вонъ отсюда!.. (*Застегивается*). Ну, прощай, родимый домъ!.. Прощайте, мои милые, дорогіе. Я вернусь къ вамъ—богачомъ, знаменитымъ человѣкомъ, или умру, и вы никогда уже не увидите меня. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входятъ Ильменева и Маша.

Ильменева. И тутъ нѣтъ?.. Да гдѣ же онъ?

Маша. Не знаю-съ. Они сначала уроки готовили, а потомъ пошли къ Степанидѣ, сюда. Вѣрно, со Степанидой пошли въ булочную...

Ильменева. Ахъ, дай-то Богъ!.. У меня сердце не на мѣстѣ. Я не могла усидѣть въ циркѣ. Боюсь я за Борю ужасно, — такой онъ бѣдовый, рѣзвый мальчикъ. Поручиться за него ни на минуту нельзя. Того гляди, такихъ бѣдъ натворить, — что ужасъ.

Маша. Характерные... норовистые они.

Ильменева (*улыбнувшись*). Вотъ, вотъ... однако, что-то ихъ нѣтъ.

Маша. Идутъ. Вонъ шаги слышны...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Степанида.

Степанида. Охъ! да никакъ барыня?

Ильменева. А Боря?..

Степанида. Чего-съ?

Ильменева. Боря гдѣ?

Степанида. Здѣсь, дома остался. За мной и дверь запираль.

Ильменева. О, Господи! Господи! Что онъ еще надѣлалъ, куда дѣвался?.. Ты давно ушла?..

Степанида. Да нѣтъ же, съ полчаса только!..

Ильменева. Господи!.. Я и память потеряла. **Степанида,** пойдѣмъ на улицу, туда... за нимъ... гдѣ же онъ?.. одинъ, ночью, ребенокъ. (*Подходитъ къ двери и сталкивается съ Борей и Васькой.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Боря** и **Васька**.

Ильменева. Боря! (*Обнимаетъ его.*)

Боря (*весь прильнувъ къ ней*). Мама... Мамочка!.. (*Пауза.*)

Степанида. Точильщикъ пришелъ. Ты зачѣмъ по ночамъ шатаешься?

Васька. А тебѣ какая бѣда!..

Степанида. Ишь ты,—еще разговариваетъ.

Боря. Оставь, **Степанида,** это я его привелъ, онъ... мой... ты... я... да, я его себѣ взялъ.

Степанида. Не въ себѣ ребенокъ-то!.. Господи!..

Боря. Ахъ, милая, родная моя мамочка... Ты вѣдь сердисься на меня, а я перемучился, весь... и пришелъ я сюда... не тотъ,—другой я; словно что повернулось во мнѣ... Я его встрѣтилъ... Вотъ, **Ваську.** Онъ стоитъ у воротъ... плачетъ. Онъ въ день ничего не заработалъ, а домой надо отнести 50 к. А то бить будутъ.

И его бьютъ каждый день. А сегодня онъ побоялся идти, стоитъ и плачетъ... Мама, я его привелъ сюда. Мамочка, милая моя, оставь его у насъ. Онъ вылъчилъ меня. Ахъ, знаешь, я себя на его мѣсто поставилъ, да и перепугался. Я бѣжать отсюда хотѣлъ. А увидаль Ваську... и жутко стало, и больно, и тебя захотѣлось повидать и къ тебѣ прижаться.

Ильменева. Мой славный, бѣдный мальчикъ, успокойся. Полно, забудь все... съ нами ты, и никому мы тебя въ обиду не дадимъ.

Боря. Мама, а онъ... этоть?..

Ильменева. Что-нибудь и съ нимъ сдѣлаемъ. Пока о хозяинѣ разузнаемъ и устроимъ его гдѣ-нибудь лучше.

Боря. А у насъ нельзя?

Ильменева. Устроимъ и у насъ...

Васька. Матушка... голубушка... не давай меня въ обиду только. (*Кланяется въ землю.*)

Ильменева. Полно, вставай скорѣе... Пустяки какіе! Оставайся тутъ... Степанида тебя накормитъ. Ну, Боря, пойдемъ. Ты зѣдь мой теперь!..

Боря. Ахъ, мама, да... Только не сердись на меня... и не оставляй меня одного...

Ильменева. Одного не оставлю никогда!..

Занавѣсъ.

На снѣгу *).

Послѣ свиней задумали мы сдѣлать кошку. Это было потруднѣе. Начали съ того, что воткнули въ снѣгъ два короткихъ, но толстыхъ колышка — основаніе для переднихъ ногъ сидящей кошки. Затѣмъ къ нимъ прислонили снѣжный катышъ такъ, что одинъ его конецъ упирался въ землю, — другой же, верхній, плотно налегъ на оба колышка; на этотъ же верхній конецъ катыша при помощи сучка насадили другой катышъ, поменьше, — грудь и шея, а на него еще меньше — для головы; пушистый хвостъ и заднія лапки приставили къ соответствующимъ мѣстамъ на землѣ; переднія ноги облѣпили снѣгомъ, залѣпивъ имъ же соединенія катышей; для глазъ употребили два снѣжка точно такъ же какъ и для ушей, насадивъ ихъ на маленькіе колышки. Когда, отдѣлавъ мордочку, вставивъ въ глаза снѣжки двѣ маленькія палочки — зрачки и воткнувъ по нѣсколько соломинокъ съ каждой стороны ея на верхней губѣ, мы позвали Анюту, грѣвшуюся тѣмъ временемъ въ сторожкѣ Архина; она всплеснула руками и восторженно закричала: — „Ахъ, какая бѣлянка! назовите ее Бѣлянкой!“ А Бобрикъ! нашъ общій другъ — собака, выбѣжавшій за ней изъ сторожки взберошился, залился лаемъ и сталъ прыгать вокругъ кошки. Но та и ухомъ не вела.

Затѣмъ мы занялись сооруженіемъ сторожа для нашего значительно расширившагося снѣжнаго хозяйства и звѣрин-

*) Окончаніе. — См. „Свѣтлячокъ“, №№ 4 и 5-й.

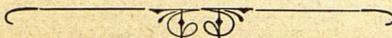
ца. Это была едва ли не самая забавная фигура, благодаря тому, что мы вздумали украсить его голову „волосами“. Для этого была разобрана старая метла, и прутиками мы утыкали голову и подбородокъ чучелы; въ руку же ему всунули другую метлу.

Этотъ сторожъ стойко стоялъ на своемъ посту въ теченіе зимы; но онъ не въ силахъ былъ бороться съ теплыми весенними порывами вѣтра и съ первыми теплыми лучами весенняго солнца. Когда мы пріѣхали какъ-то въ началѣ весны провѣдать нашъ домикъ и звѣринецъ, — онъ встрѣтилъ насъ съ головой, склоненной на плечо и съ кислой миной на лицѣ... Метелка вывалилась у него изъ рукъ, онъ сильно похудѣлъ, и весь видъ его выражалъ полную беспомощность и уныніе; казалось, онъ былъ опечаленъ мыслью, что не сумѣлъ сохранить въ цѣлости нашего снѣжнаго добра, которое медленно разрушали и пожирали солнечные лучи.

Трудно только начало, а привыкнувъ обращаться со снѣгомъ, какъ со строительнымъ матеріаломъ, наши читатели, по всей вѣроятности, сами выдумаютъ и новыя формы, и новые способы постройки снѣжныхъ чучелъ. Моей задачей было рассказать только вкратцѣ о томъ, какъ мы пользовались въ дѣствѣ снѣгомъ, и сколько удовольствія доставила намъ эта здоровая и интересная работа.

В. Поповъ.

ПЧЕЛКИ ЗАСТУПНИЦЫ.

Дѣдушка Памва
и внучка Малаша.

Рис. А. Кучеренко.